

УДК 81'42

DOI: 10.17223/19986645/74/6

Е.В. Каблуков, О.В. Ильина

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ РОССИЯН В ДИСКУРСЕ СМИ: ЕДИНСТВО И РАЗНООБРАЗИЕ¹

*Рассматривается региональная идентификация россиян в дискурсе СМИ. Показано, что практики пространственной и темпоральной идентификации конструируют, с одной стороны, уникальность жителей регионов, а с другой – их общность, обеспечивающую интеграцию в общероссийский пространственно-временной контекст и единство национальной идентичности (ср. с дихотомией *idem* и *ipse* у Рикера). Материалом исследования служат тексты печатных СМИ Калининградской, Свердловской областей и Республики Татарстан за 2017–2019 гг.*

Ключевые слова: дискурс, медиадискурс, дискурсивная практика, СМИ, идентичность, идентификация, региональная идентичность

Роджерс Брубейкер отмечает, что «перечень употреблений слова «идентичность» обнаруживает не только чрезвычайную разнородность, но и очевидную противоположность позиций, которые выдвигают на первый план основополагающее и стабильное тождество, и установок, отчетливо отвергающих концепции базового тождества. Первые можно назвать сильными или жесткими концепциями идентичности, а вторые – слабыми или мягкими» [1. С. 81–82]. «Жесткие концепции», как правило, связаны с эссенциалистской парадигмой, доминировавшей вплоть до второй половины XX в. (см., например, [2. Р. 19–32]). В это время эссенциализм подвергается жесткой критике, что приводит к «кризису идентичности в общественных науках» [1. С. 63–68]. Переосмысление и реактуализация термина «идентичность» происходят в рамках социального конструкционизма (см., например, [3]), приверженцы которого подчеркивают изменчивый характер идентичности и рассматривают ее как социальный конструкт, при этом предметом анализа становится не столько сама идентичность, сколько идентификация как процесс, который никогда не заканчивается [4. С. 2]. В результате формируются «мягкие концепции», которые, впрочем, также получают свою порцию критики, в том числе за искусственное переосмысление идентичности, неразрывно связанной с устаревшим эссенциализмом, в терминах модного конструкционистского подхода (см., например, [1. С. 62; 4. Р. 2]).

Лингвистическое осмысление идентичности в ее «мягком», конструкционистском варианте осуществляется главным образом в рамках дискурсивных исследований, причем одни представители этого направления при-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00143 «Региональная идентичность россиян в дискурсе СМИ: единство и разнообразие».

знают ментальную природу идентичности, а другие ее отрицают. Так, в статье «Дискурсивное конструирование национальной идентичности» [5] последняя рассматривается как ментальный конструкт, который «производится, воспроизводится, трансформируется и разрушается посредством языка и других семиотических систем» и при этом соотносится с такими понятиями, как «воображаемое сообщество» (см. [6]) и «габитус» (см. [7]), кроме того, авторы показывают, что идентичность характеризуется динамичностью, фрагментарностью и всегда связана с конструированием различий и уникальности. Между тем И.И. Сандомирская отмечает, что «идентичность складывается в языке и ни в какой другой форме, кроме форм языка, не существует. Неверно говорить, что идентичность отражается в языке, выражается через язык или опосредуется при помощи языка. Это позволило бы заключить, что идентичность существует как самостоятельная сущность где-то вне и независимо от языка. Идентичность дискурсивна, то есть лингвистична» [8]. С нашей точки зрения, такой радикальный конструкционизм (ср. [9. С. 53–71]) справедлив лишь отчасти: мы солидарны с отказом от попыток изучить «то, что происходит в сознании субъекта, и то, что непосредственно недоступно наблюдению» [10. С. 27], но при этом воздерживаемся от выводов относительно исключительно дискурсивной природы идентичности, поскольку эти выводы касаются содержания той самой не поддающейся лингвистическому изучению сферы ментального и, следовательно, являются логически противоречивыми.

Настоящее исследование развивает традиции уральской школы дискурсивного анализа, основанной на принципах социального конструкционизма и идеях Мишеля Фуко, получивших лингвистическое осмысление в трудах Э.В. Чепкиной и других авторов, объектом внимания которых является главным образом медиадискурс (см. [11–14]). Такой подход предполагает изучение дискурсивных практик, представляющих собой «совокупность анонимных, исторических, всегда детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического сектора определили условия осуществления функции высказывания» [15. С. 227–228]. При анализе медиадискурса выделяются практики формирования объектов дискурса, в том числе отбора, номинации и описания этих объектов, практики формирования субъектных позиций дискурса, а также практики конструирования истины (см. [12]; ср. [16]). Таким образом, мы рассматриваем идентичность как условный дискурсивный конструкт, результат идентификаций субъектов медиадискурса, причем такие идентификации осуществляются посредством перечисленных выше дискурсивных практик: конструируя реальность, субъект дискурса конструирует также и себя, т.е. свою идентичность (ср. с концепцией К. Маркса, согласно которой «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [17. С. 3]).

Следующий важный методологический принцип нашего исследования связан с тем, что понимаемая таким образом идентичность оказывается

чрезвычайно сложным конструктом, для исчерпывающего описания которого необходимо полностью воссоздать все акты идентификации говорящего субъекта. Потому исследователь имеет дело не столько с идентичностью, сколько с ее упрощенной моделью, получаемой в результате научного реконструирования исследуемой идентичности, осуществляемого в соответствии с выбранной методикой [18. С. 26]. Наши предыдущие исследования показали, что ключевыми составляющими модели региональной идентичности (как и любой другой территориальной идентичности) являются темпоральная и пространственная идентификации, задающие систему координат той реальности, в которой существуют субъекты дискурса, осуществляющие идентификацию, т.е. «носители» данной идентичности [18. С. 27–28; 19]. При этом можно выделить различные тематические направления идентификации, в том числе экономическую, политическую, этноконфессиональную, культурную и др., которые не включаются в один ряд с пространственной и темпоральной, а наслаиваются на них, т.е. существуют внутри описанной системы координат [19]. Представляется, что данная модель является универсальной для изучения всякой территориальной идентичности, конструируемой в любом дискурсе, однако результат моделирования идентичности зависит от типа дискурса (медийный, религиозный, академический и т.д.) и набора актуализируемых в нем практик.

Мы обращаемся к анализу идентификации в дискурсе СМИ (медиадискурсе), так как последний представляет собой чрезвычайно влиятельный институт, субъекты которого оказывают воздействие на массовую аудиторию. Это воздействие проявляется и в том, что субъекты медиадискурса, осуществляя идентификацию, предлагают аудитории ту или иную модель идентичности, в том числе региональной, которую аудитория может принять (см. [9. С. 39–41, 80–81, 149–151]). При этом субъектом медиадискурса становится далеко не каждый. Эта привилегированная позиция [16. С. 50–51] связана с институциональным статусом коммуниканта и доступна прежде всего журналистам (или редакции в целом, когда речь идет о неавторизованных текстах), политикам, реализующим властную интенцию, а также некоторым персонажам журналистских текстов, получившим возможность перейти на позицию отправителя речи [11. С. 61–62]. Таким образом, реализацию высказывания в медиадискурсе можно рассматривать как акт власти, осуществляемый тем, кому принадлежит соответствующее право (см. [16. С. 51]).

Проведенный нами анализ региональной идентичности россиян в дискурсе СМИ позволил выявить традиционную для всякой идентичности дихотомию самости и тождественности (см. [20. С. 17]; см. также: [21–22]), которая лежит в основе любой идентификации и в нашем случае демонстрирует, с одной стороны, уникальность жителей данного региона, а с другой – их общность с жителями других регионов, с россиянами вообще. В настоящей работе мы рассмотрим, как конструируется эта уникальность (самость), обеспечивающая региональное разнообразие россиян, и эта общность (тождественность), гарантирующая единство национально-гражданской идентичности и, очевидно, целостность государства. Матери-

алом для исследования служат тексты печатных СМИ Калининградской и Свердловской областей, а также Республики Татарстан, вышедшие в свет в 2017–2019 гг. и включенные в базу данных «Интегрум» [23]. Выбор регионов обусловлен стремлением охватить этнокультурное и географическое разнообразие современной России. Так, Татарстан – это регион, имеющий яркую этническую и религиозную специфику, связанную с преобладанием татарского населения, традиционно исповедующего ислам. Свердловская область является ядерной территорией вернакулярного района Урал с преобладанием русского населения (см. [19. С. 122]). Калининградская область представляет собой географически отдаленный регион, прошлое которого связано с прусскими культурой и государственностью.

1. Разнообразие региональных идентификаций: конструирование уникальности регионов

Конструируя **пространство** региона, субъекты медиадискурса используют не только первичные номинации данной территории, но и экспрессивные перифразы, а также другие вторичные номинации, подчеркивающие ее уникальный статус: *Российская Балтика, Янтарный край, Урал, Средний Урал* и др. Примечательно, что эта практика активна в медиадискурсе областей, наименование которых не выявляет специфику региона, а лишь констатирует подчиненность территории некоему областному центру (в том числе уже давно переименованному Свердловску). При этом подобные вторичные номинации не встречаются в СМИ Татарстана, официальное название которого в полной мере отражает уникальность данного субъекта Федерации.

Другая практика предполагает приписывание региональному центру особого столичного статуса, причем не того, которым этот город наделен формально: *При этом чудом сохранившееся в областном центре здание, которое непосредственным образом связано с превращением нашего города в янтарную столицу мира, находится в ужасном состоянии* (Страна Калининград. 08.03.2017); *Мы уже много раз писали о том, что наш город становится столицей не только бокса, но и единоборств в целом* (Областная газета. 03.08.2018); *Араик Маргарян внёс значительный вклад в укрепление международного авторитета республики, популяризацию Казани как спортивной столицы России, ведёт активную общественную деятельность* (Татарстан. 28.06.2019).

Таким образом, для идентификации россиян важно, что главный город их региона занимает особое место на карте страны или мира в целом. Впрочем, это не исключает ироничного осмысления данного статуса: *Анемичные препирания о бренде Калининграда ведутся уже третий десяток лет. Регион, к примеру, зовется «Янтарной столицей», «Российским Гонконгом», «Футбольными воротами Балтики». Как бы то ни было, эти названия не выдерживают критики* (Дворникъ. 04.05.2017); *Меж тем в уральской столице до сих пор говорят о том, что город вошёл в Книгу рекордов Гиннеса по объёму потребления майонеза. Но пока официального*

подтверждения этой информации нет (Вечерний Екатеринбург. 27.12.2017); *Раньше мы жили в Вятских Полянах, там никаких проблем с скорой не было, а теперь живем в третьей столице и нам предлагают самим ехать в больницу...* (Вечерняя Казань. 28.08.2019).

Употребление местных топонимов без каких-либо пояснений также является способом идентификации, позволяющим, с одной стороны, объединить редакцию и читателей данного СМИ в «свой круг» (см. [19. С. 121]), а с другой – продемонстрировать уникальность своей территории: *Но потом их покорило гостеприимство, открытость. А еще – наши Куршская коса и Светлогорск* (Страна Калининград. 29.08.2018); *Конец света в Нижней Ослянке, стоящей на двух берегах Чусовой, наступил в мае 2007 года* (Областная газета. 21.03.2017); *Потом мы вместе склонились над книгой, выискивая знакомые географические названия: Казанская губерния, Лаишевский монастырь, Мензелинский уезд, деревня Варяи-Баи...* (Татарстан. 26.03.2018).

Разнообразие региональных идентификаций россиян проявляется также при конструировании ближайших соседей и других территорий, значимых для данного региона. В случае со Свердловской областью это соседние регионы Урала, особенно Челябинская область (*Южный Урал*), а также субъекты Федерации и вернакулярные районы, примыкающие к Уралу, например Курганская область (*Зауралье*) и Сибирь: *Пока прогноз сбывается. Например, на Южном Урале в эти дни холоднее, чем в Свердловской области. У наших южных соседей погоду устанавливает казахстанский антициклон, который и принёс морозы* (Областная газета. 21.12.2017); *Сын Никиты Демидовича, Акинфий Никитич Демидов – считается основателем горнозаводской промышленности на Урале и в Сибири* (Уральский рабочий. 18.10.2018).

Для жителей Татарстана особую роль играют другие регионы Поволжья (республика входит в данный вернакулярный район), а также территории (российские субъекты Федерации и зарубежные государства), населенные тюркоязычными народами и народами, исповедующими ислам: *«Восток Капитал» действует всего 1,5 года, но за это время вам удалось создать довольно обширную сеть покупателей по всему Поволжью: в Татарстане, Оренбургской области, Башкортостане, Самарской области* (Татарстан. 29.05.2017); *В ходе беседы Минтимер Шаймиев и Фариддин Насриев обсудили вопросы о расширении контактов между Татарстаном и Узбекистаном в сфере экономики, культуры, науки и образования. «Мы очень многое можем и должны сделать. У нас общие традиции, общая группа языков, общая история...»* (Республика Татарстан. 01.03.2019).

Иная ситуация, обусловленная уникальным географическим положением эксклава, фиксируется при анализе практик идентификации калининградцев. Важными соседями для них являются соседние государства Европы: Польша, Литва, а также Германия (несмотря на отсутствие общей границы): *Она дала толчок к созданию и работе круглых столов с Польшей и Литвой, решающих массу задач – от безвизового режима до транспортного регионального сотрудничества* (Дворникъ. 05.09.2017); *Радует, что, как и раньше, документы на немецкий шенген можно подать в любой рабочий день без предваритель-*

ной записи. Другие новости, связанные с нашими ближайшими соседями, читайте на стр. 4 (Страна Калининград. 30.01.2019).

Темпоральная идентификация жителей территории связана с конструированием прошлого, будущего и настоящего, при этом исследователи отмечают, что особое значение для формирования коллективной идентичности имеет общее прошлое (см. [24. Р. 14]). Так, специфика исторического нарратива Калининградской области определяется ее прусским прошлым: *Если же погрузиться в историю более глубоко, то мы увидим, что улица Сергеева, у немцев Hintertragheim, что в переводе «позади Трагхайма», закладывалась в XVI веке, во времена Альбрехта Бранденбург-Ансбахского, первого герцога Пруссии (Гражданин. 23.03.2017); Конечно, мало кто из господ читателей бывал в довоенном Кенигсберге, но хотя бы из литературы многие представляют себе, каким было лицо того города: замок, собор, средневековые улочки центра, район старинных фахверковых складов Ластадия... (Тридевятый регион. 09.06.2017).*

Для жителей Свердловской области оказываются значимыми события и персонажи, обеспечившие формирование промышленного потенциала региона в дореволюционный и советский периоды: *Место для строительства завода выбрал Василий Татищев, строительство крупнейшего в Европе железодельного завода было завершено под руководством Вильгельма де Геннина (Вечерний Екатеринбург. 06.12.2018); Здесь был создан опорный край державы, мощь которого была направлена на достижение главной цели – Победу в Великой Отечественной войне (Областная газета. 06.05.2017).*

При анализе исторического нарратива в СМИ Татарстана периодически выявляется противопоставление двух субъектов истории, представляющих татарскую и собственно российскую государственность: *И татарстанская делегация положила перед российской текст «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (Казанские Ведомости. 13.07.2017); В книге рассматриваются политические отношения между Москвой и татарскими государствами, образовавшимися после распада Золотой Орды... (Казанские Ведомости. 03.08.2018).*

Будущее конструируется в текстах СМИ как «прогнозируемое время» [25. С. 21], связанное с реализацией масштабных проектов, причем отбор этих проектов демонстрирует самобытность рассматриваемых регионов: *Празднование 300 лет со дня рождения И. Канта дает прекрасный повод подчеркнуть, что Россия была и остается частью европейской цивилизации (Тридевятый регион. 24.11.2017); Проект ЭКСПО-парка уникален ещё и тем, что он может стать самым большим в истории Всемирной выставки (Вечерний Екатеринбург. 14.11.2018); Для нас это масштабное и важное мероприятие, поскольку Татарстан готовится к чемпионату мира по профессиональному мастерству, который пройдет в Казани в 2019 году (Казанские Ведомости. 30.11.2017).*

Настоящее в медиадискурсе – это чрезвычайно сложный конструктор, «информационный образ актуальности» (ср. с определением журналистики [26. С. 8]), который уместно рассмотреть как набор разнородных тематических

идентификаций, в частности политической и экономической – именно на них мы остановимся в настоящей работе. Роль некоторых других тематических идентификаций, участвующих в конструировании настоящего российских регионов (например, культурной и этноконфессиональной идентификации уральцев), рассмотрена нами ранее (см. [19. С. 127–128]). При этом следует отметить, что аналогичный набор тематических идентификаций можно использовать также для более детального анализа конструкторов прошлого и будущего.

Политическая идентификация, среди прочего, предполагает отбор и конструирование образа региональных политиков (особенно глав регионов и городов), для номинации которых используются лишь имена собственные, которые знакомы «своему кругу» читателей и потому не требуют упоминания должностей: *«Янтарная порнография» – так охарактеризовал недавно Антон Алиханов вид торговых палаток у Музея янтаря в Калининграде* (Тридевятый регион. 31.10.2017); *Александр Высокинский придерживается принципиально жесткой позиции в вопросе повышения стоимости проезда в наземном общественном транспорте* (Уральский рабочий. 13.04.2019); *Вот и герою данного комикса – татарскому рейнджеру дана своеобразная «суперспособность» – вызывать Рустама Минниханова, вооруженного «миниганом»...* (Вечерняя Казань. 21.03.2017).

Перейдем к экономической идентификации. У калининградцев она определяется географическим положением и приморским статусом региона. Важными для жителей оказываются рыболовство и даже столь экзотический промысел, как добыча янтаря: *Ежегодно через рыбоперерабатывающие цеха на их судах проходит около 150 тысяч тонн сырца* (Дворникъ. 10.07.2018); *Анализ деятельности Янтарного комбината поводов для оптимизма не дает. <...> 90 процентов добытых самоцветов ювелирных фракций уходит на экспорт* (Тридевятый регион. 20.01.2017).

Особую роль в экономической жизни уральцев по-прежнему играет металлургическая отрасль, которая может быть источником не только благополучия, но и проблем, особенно если речь идет о депрессивных моногородах: *Так, на Среднеуральском медеплавильном заводе модернизация металлургического производства позволила в разы снизить выбросы вредных веществ в атмосферу* (Областная газета. 16.02.2017); *После инцидента с НТЗТИ правоохранные органы проявляют повышенный интерес к предприятиям-должникам. Например, по факту невыплаты зарплаты на Алапаевском металлургическом заводе возбуждено уголовное дело...* (Областная газета. 22.07.2017).

СМИ Татарстана уделяют значительное внимание таким сферам экономики, как сельское хозяйство и нефтяной сектор: *При этом наши ключевые приоритеты остаются неизменными – это проекты по использованию нефти как ценнейшего сырья для нефтехимии* (Татарстан. 31.10.2018); *Наша республика по валовой продукции сельского хозяйства традиционно входит в число лидеров наряду с более южными регионами – Краснодарским краем, Белгородской и Ростовской областями...* (Республика Татарстан. 08.06.2019).

2. Общность региональных идентификаций: конструирование национально-гражданского единства

Как уже было сказано, **пространственная идентификация** жителей российских регионов предполагает использование номинаций, фиксирующих уникальный статус этих регионов и региональных центров. Однако эти номинации часто закрепляют особое положение соответствующей территории именно на карте России и тем самым участвуют в формировании единой национально-гражданской идентичности россиян. Так, для наименования Калининградской области используется перифраз «российская Балтика», основанный на метонимическом переносе (Балтика как территория, омываемая Балтийским морем) и включающий определение «российский», а номинация «третья столица», обозначающая в уральских СМИ Екатеринбург, а в татарстанских Казань, предполагает включение соответствующего города в традиционную иерархию российских столиц – вслед за Москвой и Санкт-Петербургом. Вообще сопоставление с Москвой – это типичная практика идентификации жителей регионов, обеспечивающая их интеграцию в общероссийское пространство, центром которого является Москва: ***Мы почти сравнялись со столицей в расходах, а вот в зарплатах разница огромная. И, увы, не в нашу пользу*** (Страна Калининград. 15.03.2017); ***Пройти определенное восстановительное лечение или сделать операцию у нас стоит значительно дешевле, чем в Москве или Питере*** (Уральский рабочий. 26.04.2019); ***За последние десять лет количество хамства на душу населения в нашем городе резко снизилось. По сравнению с Москвой Казань – просто какая-то толерантная Швейцария*** (Вечерняя Казань. 24.05.2019). Интересно, что Москва при этом далеко не всегда служит эталоном, на который равняются другие города и регионы, а выступает также в качестве отрицательного примера чрезмерной суеты, дороговизны, нетерпимости и т.д.

Темпоральное единство. Историческая идентификация жителей российских регионов связана с конструированием нарратива, обеспечивающего включение этих территорий в общероссийский исторический процесс. Например, для уральцев оказывается значимым освоение региона российскими промышленниками и строительство первых железоделательных заводов в XVIII в.: ***Становление Горнозаводского Урала состоялось именно во времена Российской империи. Наши демидовские заводы в Нижнем Тагиле и Верхней Салде, завод в Билимбае, основанный графом Строгановым, были одними из ведущих в стране по выплавке чугуна. Была открыта железная дорога, которая стала важнейшей транспортной артерией*** (28.07.2017).

Медиа Татарстана периодически рассказывают о сложном и неоднозначном процессе вхождения региона в состав Московского княжества: ***Таким образом, Свияжск, выражаясь языком современных военных, стал своего рода базой, плацдармом для наступления на Казань, которая была взята уже в октябре 1552 года. Но и после присоединения Казанского ханства Свияжская крепость, именовавшаяся тогда Иван-городом, не потеряла своего значения, долгое время являясь приграничным форпостом Российского государства*** (Республика Татарстан. 25.04.2019).

В калининградских СМИ можно найти материалы, демонстрирующие переплетение исторических процессов Пруссии и России еще до того, как Кенигсберг вошел в состав Российской империи: *В 1697 году в Кенигсберг приехал русский урядник по имени Петр Михайлов. Прибыл он буквально накануне грандиозного события – въезда в столицу Пруссии **Великого российского посольства*** (Гражданин. 22.03.2018).

Отметим, что особую роль в исторической идентификации жителей российских регионов и конструировании их общего прошлого играет Великая Отечественная война, события и персонажи которой актуализируются в связи с Днем Победы. Впрочем, обращения к событиям Великой Отечественной имеют место не только в канун праздника: почти любое значимое событие в жизни ветерана может попасть в повестку СМИ, также упоминание войны встречается при конструировании личных нарративов других персонажей медиадискурса: *В поселке Мозырь Правдинского городского округа Ивана Малышева знает каждый. Еще бы – ветеран Великой Отечественной, рядовым солдатом сражался на Первом Прибалтийском фронте, закончил войну в Кенигсберге* (Страна Калининград. 22.08.2018); *Проживающий в Верх-Исетском районе Екатеринбурга участник Великой Отечественной войны Михаил Ефимович Плеханов на днях отметил свой золотой, столетний юбилей* (Вечерний Екатеринбург. 19.09.2018); *Особенно непросто приходилось ее отцу, Мирзе Халиулловичу Габайдуллину, участнику Финской и Великой Отечественной войн, вернувшемуся с полей сражений с ранением и контузией* (Известия Татарстана. 02.03.2017).

Конструкт будущего в региональном медиадискурсе часто связан с реализацией проектов всероссийского масштаба. Одним из таких проектов стала подготовка к чемпионату мира по футболу, матчи которого должны были пройти в одиннадцати городах страны, в том числе в Екатеринбурге, Калининграде и Казани: *Также сегодня в Калининграде стахановскими темпами строятся тренировочные базы к чемпионату мира. Реконструкция стадионов «Пионер» и «Локомотив» завершена на 95 %* (Страна Калининград. 01.11.2017); *Глобальные перемены ждут центр Екатеринбурга, где к мундиалю создадут новые общественные пространства* (Областная газета. 04.08.2017); *...к чемпионату мира по футболу будет создана пешеходная зона между зданием Татмедиа и входом на станцию метро «Козья слобода», будет достроен участок дороги по улице Бондаренко, который соединит улицы С. Хакима и Чистопольскую, и капитально отремонтирована улица Рабочая* (Вечерняя Казань. 13.11.2017).

Рассматривая практики конструирования настоящего, вновь обратимся к экономической и политической сферам. Так, экономическая идентификация может быть различной, но при этом непременно предполагает интеграцию регионов в единую финансово-экономическую систему страны: *За счет средств **федерального бюджета** в регион поступили 25 новых автомобилей СМП, за счет регионального бюджета – 9 реанимобилей* (Страна Калининград. 13.06.2018); *Совместно с **федеральным правительством** мы готовим проектную документацию для строительства центра, ведем*

работу над разработкой номенклатуры изделий, которые будут производиться в центре механообработки, ищем участок под новое производство (Уральский рабочий. 16.01.2019); *Учитывая геополитические сложности, Татарстан выступает точкой входа для иностранных инвестиций в экономику России...* (Вечерняя Казань. 12.04.2018).

Упоминание *федерального бюджета и федерального правительства* вызывает включенность региона в общегосударственное экономическое пространство. Точно так же третий пример демонстрирует отношения «часть – целое», при которых регион рассматривается как составной элемент (*точка входа*) экономики страны. В то же время приведенные примеры показывают совершенно разные типы экономических отношений между регионом как частью и национальной экономикой как целым: отношения зависимости региона (связаны, например, с дотациями из федерального бюджета), отношения сотрудничества (предполагают равноправные отношения), отношения зависимости национальной экономики (в таком случае регион является донором федерального бюджета или имеет иное особое экономическое значение – та самая *точка входа*).

Общая практика политической идентификации, объединяющая жителей разных регионов России, связана с конструированием вертикали власти, на вершине которой находится президент России Владимир Путин: *Федеральная антимонопольная служба проверит обоснованность повышения стоимости авиабилетов в Калининград. Такое поручение дал Президент РФ Владимир Путин. Об этом сообщается на официальном сайте ФАС. Специалисты уже запросили информацию о системе формирования цен, продаж и бронирования у крупнейших авиакомпаний России* (Страж Балтики. 20.10.2017); *«Первое – безусловное выполнение всех установок нового майского указа президента России и увязанных с ним мероприятий программы "Пятилетка развития" <...>, – сказал Алексей Орлов* (Уральский рабочий. 25.10.2018); *Более трех десятков казанцев вышли сегодня на митинг в сквере им. Тинчурина с требованием поднять мизерное пособие для родителей, которые ухаживают за детьми-инвалидами. <...> Мы очень надеемся на то, что Владимир Путин нас услышит! Ведь таких, как мы, в стране более 2,5 миллиона человек* (Вечерняя Казань. 03.12.2018). Приведенные примеры показывают, что президент выступает как «последняя инстанция», к которой апеллируют жители разных регионов, и в то же время как носитель абсолютной истины, который точно знает, что и как нужно делать.

Также единство политической повестки в региональных СМИ обеспечивается за счет обращения к актуальным для современной России официальным идеологемам, таким как «импортозамещение», «майские указы» и «национальный проект» (см. [27]): *Я думаю, что это обязательно будет реализовано, потому что такая задача содержится в национальном проекте и в целом это просто необходимо* (Дворникъ. 12.09.2017); *В августе в рамках выполнения майских указов Владимира Путина в Академическом районе Екатеринбурга открылась первая очередь школы № 23* (Областная газета. 25.01.2017); *Сейчас более половины необходимых сельхозпредприятиям России средств*

защиты растений ввозится из-за рубежа. Так что новое предприятие позволит сделать большой шаг в деле импортозамещения и снижения зависимости от внешних рынков (Республика Татарстан. 29.06.2019).

Выводы

Построение модели региональной идентичности россиян на материале изданий Калининградской и Свердловской областей, а также Республики Татарстан позволило выявить набор практик, посредством которых осуществляется региональная идентификация субъектов медиадискурса, основанная на их отношении к пространству и времени.

С одной стороны, это практики, выявляющие уникальность рассматриваемых регионов:

1) практики пространственной идентификации, такие как использование выразительных перифразов для номинации регионов и их административных центров, употребление местных топонимов без родовых слов и прочих пояснений, конструирование значимых соседей;

2) практики темпоральной идентификации, конструирующие особый исторический нарратив региона, специфическое представление о его будущем и многомерный образ настоящего, указывающий, в частности, на политическую и экономическую самобытность территории.

С другой стороны, это практики, фиксирующие общность рассматриваемых регионов и их включенность в общероссийский хронотоп:

1) практики пространственной идентификации, в том числе использование вторичных номинаций, закрепляющих особое положение территории на карте России, и сопоставление регионального центра с Москвой;

2) практики темпоральной идентификации, демонстрирующие интеграцию территорий в общероссийский исторический процесс и общероссийскую информационную повестку, которая намечает контуры будущего страны, а также определяет образ ее настоящего, связанный с единым бюджетным процессом и политической централизацией («вертикаль власти», в которую включены все рассматриваемые регионы).

Сочетание перечисленных практик, обеспечивающих разнообразие региональных идентификаций и при этом единство национально-гражданской идентичности россиян, представляется весьма гармоничным, что свидетельствует об отсутствии рисков, связанных с сепаратизмом или, напротив, нивелированием различий между жителями разных регионов страны.

Литература

1. Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
2. Benwell B., Stokoe E. Discourse and identity. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. 328 p.
3. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. London : Penguin Books, 1966. 249 p.
4. Hall S. Who needs identity? // Questions of Cultural Identity / eds by S. Hall, P. Du Gay. London : SAGE Publications, 1996. P. 1–17.

5. *De Cillia R., Reisigl M., Wodak R.* The discursive construction of national identities // *Discourse & society*. 1999. Vol. 10, № 2. P. 149–173.
6. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М. : Кучково поле, 2016. 416 с.
7. *Бурдые П.* Структура, габитус, практика // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1998. Т. 1, № 2. С. 44–59.
8. *Сандомирская И.* Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien : Ges. zur Förderung slawistischer Studien, 2001. 281 p.
9. *Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В.* Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков : Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
10. *Ревзина О.Г.* Язык и дискурс // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология*. 1999. № 1. С. 25–33.
11. *Чепкина Э.В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. 279 с.
12. *Чепкина Э.В., Енина Л.В.* Журналистский дискурс: анализ практик // *Известия Уральского государственного университета*. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 2. С. 76–85.
13. *Майданова Л.М., Чепкина Э.В.* Медiateкст в идеологическом контексте. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2011.
14. *Kablukov E.* The Practices of Construction Vladimir Putin's Personality Cult in Modern Russian Media Discourse // *Slavia časopis pro slovanskou filologii*. 2016. Vol. 85, № 2. P. 166–181.
15. *Фуко М.* Археология знания. СПб. : Гуманитарная Академия ; Университетская книга, 2004. 416 с.
16. *Фуко М.* Порядок дискурса // *Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет*. М., 1996. С. 47–97.
17. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. М., 1955. Т. 3. С. 1–5.
18. *Каблуков Е.В.* Региональная идентичность россиян в дискурсе СМИ: теоретические аспекты научного моделирования // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2018. № 3. С. 23–29.
19. *Ильина О.В., Каблуков Е.В.* Практики конструирования уральской идентичности в медиадискурсе Свердловской области // *Политическая лингвистика*. 2019. № 2 (74). С. 119–131.
20. *Рикер П.* Я-сам как другой. М. : Изд-во гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
21. *Енина Л.В., Чепкина Э.В.* Самоидентификации журналиста в прямом эфире на радио // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 3. С. 159–167.
22. *Ильина О.В.* Практики конструирования образа персонажа в прессе: между тождественностью и самостью // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 2. С. 60–64.
23. *Интегрум*. URL: <https://integrum.ru/> (дата обращения: 20.10.2019).
24. *Smith A.D.* National Identity. Reno : University of Nevada press, 1991. 221 p.
25. *Купина Н.А.* Аксиологическая стратегия и ее речевая реализация в региональном газетном издании // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2017. № 4. С. 19–31.
26. *Калмыков А.А., Коханова Л.А.* Интернет-журналистика. М. : Юнити-Дана, 2005. 384 с.
27. *Каблуков Е.В.* Официальные идеологемы: специфика функционирования в современном российском медиадискурсе // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 6. С. 84–88.

Regional Identification of Russians in Media Discourse: Sameness and Difference

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 99–112. DOI: 10.17223/19986645/74/6

Evgenii V. Kablukov, Olga V. Ilina, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: kablukov.usu@gmail.com / ilina.usu@gmail.com

Keywords: discourse, media discourse, discursive practice, media, identity, identification, regional identity.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-312-00143.

The article explores the practices of regional identification of Russians in media discourse. The material includes the texts of the print media of Kaliningrad and Sverdlovsk Oblasts and the Republic of Tatarstan in 2017–2019. Identity is considered as a discursive phenomenon, which is an aggregate of identifications of subjects of discourse. The authors propose a new methodology for the analysis of territorial identity, involving the construction of its model, the key elements of which are spatial and temporal identifications. The main identification practices that construct the unique space of a region are: nomination of the region and the regional center through periphrases; the use of local toponyms without generic words and other explanations; construction of significant neighbors. Analyzing temporal identification, the authors identify the features of discursive constructs of the past, present, and future of the regions under consideration. A unique historical narrative plays a special role: in Kaliningrad Oblast, it relates to the Prussian past; in Sverdlovsk Oblast, to the formation of the industrial potential; in Tatarstan, to the opposition of Russian and Tatar statehood. The future is constructed as “predicted time”, associated with the implementation of large-scale projects, the selection of which demonstrates the identity of the regions. The present in media discourse is an extremely complex construct, which is considered as a set of thematic identifications. As an example, the authors show that political identification involves the selection and construction of images of regional politicians, economic identification is determined by the sector of the economy that is significant for the territory. Also, the authors describe main identification practices that ensure the integration of regions into the all-Russian space. These include the use of secondary nominations that fix the special position of the territory on the map of Russia, and comparison of the regional center with Moscow. The authors show that temporal unity is ensured, firstly, through a historical narrative telling about the inclusion of territories in the all-Russian historical process. The construct of the future in regional media discourse is often associated with the implementation of projects of an all-Russian scale, for example, with the World Cup. The practices of constructing the present related to the economic and political spheres are considered. Economic identification demonstrates the inclusion of regions in the all-Russian budget process, political identification demonstrates the construction of officious ideological concepts and the power vertical, at the top of which is Russian President Vladimir Putin. The conclusion is that the practices of spatial and temporal identifications construct, on the one hand, the uniqueness of the Russian regions, and, on the other, their commonality, ensuring the unity of the national identity of Russians.

References

1. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Translated from English. Moscow: HSE.
2. Benwell, B. & Stokoe, E. (2006) *Discourse and identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
3. Berger, P.L. & Luckmann, T. (1966) *The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge*. London: Penguin Books.
4. Hall, S. (1996) Who needs identity? In: Hall, S. & Du Gay, P. (eds) *Questions of Cultural Identity*. London: SAGE Publications. pp. 1–17.
5. De Cillia, R., Reisigl, M. & Wodak, R. (1999) The discursive construction of national identities. *Discourse & Society*. 10 (2). pp. 149–173.

6. Anderson, B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Translated from English. Moscow: Kuchkovo pole.
7. Bourdieu, P. (1998) Structures, habitus, practices. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 1 (2). pp. 44–59. (In Russian).
8. Sandomirskaya, I. (2001) *Kniga o rodine: Opyt analiza diskursivnykh praktik* [The book about the motherland: Experience in the analysis of discursive practices]. Wien: Ges. zur Förderung slawistischer Studien.
9. Phillips, L. & Jorgensen, M (2008) *Diskurs-analiz: teoriya i metod* [Discourse analysis as theory and method]. Translated from English. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr.
10. Revzina, O.G. (1999) Yazyk i diskurs [Language and discourse]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologiya*. 1. pp. 25–33.
11. Chepkina, E.V. (2000) *Russkiy zhurnalistskiy diskurs: tekstoporozhdayushchie praktiki i kody (1995–2000)* [Russian journalistic discourse: text-generating practices and codes (1995–2000)]. Yekaterinburg: Ural State University.
12. Chepkina, E.V. & Enina, L.V. (2011) Zhurnalistskiy diskurs: analiz praktik [Journalistic discourse: analysis of practices]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2. pp. 76–85.
13. Maydanova, L.M. & Chepkina, E.V. (2011) *Mediatekst v ideologicheskom kontekste* [Media text in an ideological context]. Yekaterinburg: Gumanitarnyy universitet.
14. Kablukov, E. (2016) The Practices of Construction Vladimir Putin's Personality Cult in Modern Russian Media Discourse. *Slavia časopis pro slovanskou filologii*. 85 (2). pp. 166–181.
15. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [The archeology of knowledge.]. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya; Universitetskaya kniga.
16. Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of different years]. Translated from English. Moscow: Kastal'. pp. 47–97.
17. Marx, K. (1955) Tezisy o Feyerbakhe [Theses on Feuerbach]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. Vol. 3. Moscow: Politizdat. pp. 1–5.
18. Kablukov, E.V. (2018) Regional Identity of Russians in Media Discourse: Theoretical Aspects of Scientific Modeling. *Izvestiya Ural. fed. un-ta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 3. pp. 23–29. (In Russian).
19. Il'ina, O.V. & Kablukov, E.V. (2019) Practices of Constructing Ural Identity in the Media Discourse of Sverdlovsk Region. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2 (74). pp. 119–131. (In Russian).
20. Ricouer, P. (2008) *Ya-sam kak drugoy* [Oneself as Another]. Translated from English. Moscow: Izd-vo gumanitarnoy literatury.
21. Enina, L.V. & Chepkina, E.V. (2010) Samoidentifikatsii zhurnalista v pryamom efire na radio [A journalist's self-identification live on the radio]. *Izvestiya Ural. fed. un-ta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 3. pp. 159–167.
22. Il'ina, O.V. (2012) Praktiki konstruirovaniya obraza personazha v presse: mezhdutozhdestvennost'yu i samost'yu [The practice of constructing the image of a character in the press: between identity and selfhood]. *Izvestiya Ural. fed. un-ta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2. pp. 60–64.
23. *Integrum*. [Online] Available from: <https://integrum.ru/> (Accessed: 20.10.2019).
24. Smith, A.D. (1991) *National Identity*. Reno: University of Nevada Press.
25. Kupina, N.A. (2017) Axiological Strategy and Its Speech Realization in Regional Newspaper. *Izvestiya Ural. fed. un-ta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 4. pp. 19–31. (In Russian).
26. Kalmykov, A.A. & Kokhanova, L.A. (2005) *Internet-zhurnalistsika* [Internet journalism]. Moscow: Yuniti-Dana.
27. Kablukov, E.V. (2012) Ofitsial'nye ideologemy: spetsifika funktsionirovaniya v sovremennom rossiyskom mediadiskurse [Official ideologems: the specifics of functioning in modern Russian media discourse]. *Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 11 (6). pp. 84–88.